

Г.Т. Камалова

Теоретические основы становления советской модели правоохранительной системы (1921–1929 гг.)

Ключевые слова: становление, правоохранительная система, советская модель, новая экономическая политика.

Представляется необходимым изучить ряд принципиальных вопросов, содержание которых прямо или опосредовано влияло на формирование системы правоохранительных органов Советской республики. Главная отличительная черта периода 1920-х гг. – пересмотр большевиками внутривластного курса, переход к новой экономической политике. Это была антикризисная программа, сущность которой состояла в воссоздании многоукладной экономики и использовании организационно-технического опыта предпринимателей при сохранении «командных высот» в руках большевистского правительства. Под ними понимались политические и экономические рычаги воздействия: полновластие РКП (б), государственный сектор в промышленности, централизованная финансовая политика и монополия внешней торговли. Если начальный рубеж нэпа все авторы связывают с решениями X съезда РКП (б), то относительно даты его окончания разногласия существуют до настоящего времени. В качестве основного критерия, по которому 1928 г. стал выделяться как время окончания нэпа, исследователи называют введение чрезвычайных мер в хлебозаготовках. Однако в 1928 г. обращение материальных ценностей продолжало осуществляться на основе товарно-денежных отношений, в то время как в 1929 г. принципиально новым явлением стало начало ликвидации самого товарного крестьянского хозяйства на основе сплошной коллективизации. Поэтому мы предлагаем рассматривать 1929 г. как конечный рубеж нэпа.

Для правильного понимания преобразований, происходивших в 20-е гг., необходимо рассматривать реформы как с точки зрения радикальных перемен, связанных с переходом к рынку, так и с позиций преемственности реалий, сложившихся в 1918–1920 гг. В целом преобразования 20-х гг. характеризовались острыми противоречиями, отсутствием цельности подходов к управлению и решительной схваткой между преимущественно экономическими и административными методами, прежде всего в секторе хозяйствования.

Эволюция политического режима во многом определялась соотношением стратегии и тактики в нэпе: «всерьез и надолго» или маневр? Переход к нэпу

повлиял на формирование концепции правящей партии правоохранительной деятельности, определил тенденцию поворота от «революционной целесообразности» к «революционной законности». Усиление «революционной законности» являлось внутренней закономерностью реализации новой экономической политики в правоохранительной сфере. Именно поэтому В.И. Ленин, выступая на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г., говорил: «Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота, – этого требует новая экономическая политика, – а это требует большей революционной законности» [1, т. 44, с. 328].

Вопрос о роли правового регулирования, правовых гарантиях и законности был принципиально разрешен XI Всероссийской конференцией РКП (б). «Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономической политики, должны получать свое выражение в законе и защиту в судебном порядке. Для разрешения всякого рода конфликтов в области имущественных отношений должны быть установлены твердые гражданские нормы» [2, т. 2, с. 306]. Необходимость укрепления революционной законности потребовала детальной разработки гражданского законодательства, развития трудового и земельного права.

В усилении гарантий неприкосновенности личности, в усилении «революционной законности» особенно большую роль сыграл первый советский Уголовный кодекс (УК РСФСР 1922 г.), а также кодификация процессуального законодательства и правовая регламентация процессуального порядка деятельности суда, прокуратуры, карательных и следственных органов.

Действительно, с точки зрения гарантий неприкосновенности личности было закреплено в УК (1922 г.) положения о том, что основанием для уголовной ответственности являются конкретные действия или бездействие, угрожающие основам советского строя и советскому правопорядку. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК), разработанный НКЮ в мае 1922 г., был одобрен сессией ВЦИК и вступил в силу с 1 августа 1922 г. Затем в связи с судебной реформой была подготовлена новая редакция УПК, введенная в действие декретом ВЦИК от 15 февраля 1923 г. УПК подробно регламентировал действия следователя, прокурора и суда на всех стадиях уголовного процесса, усилил процессуальные гарантии непри-

косновенности личности, обязав каждого прокурора и судью немедленно освобождать лиц, незаконно содержавшихся под стражей. Н.В. Крыленко даже назвал УПК одним из величайших завоеваний нашей революции [3, с. 16].

В укреплении законности в 20-е гг. сложным было не только издание законов, преодоление «военно-коммунистической инерции» революционной целесообразности и пренебрежения к праву, но и намерение добиться строгого и неуклонного соблюдения законов. Со времени Гражданской войны государственный аппарат усвоил методы военно-административного, командного характера управления, руководствовался принципами «революционной целесообразности». Чтобы на деле поставить деятельность госаппарата в строгие правовые рамки, нужно было преобразовать всю систему государственных органов, охранявших законность. Необходимость таких реформ и пересмотра карательной политики диктовалась также и изменением форм классовой борьбы и характера преступности в стране. В резолюции XI партийной конференции (декабрь 1921 г.) подчеркивалось, что «строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого порядка должна идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан» [2, т. 2, с. 471]. Новые подходы к роли правоохранительных органов в реализации курса на укрепление законности нашли выражение в судебной реформе, упразднении ВЧК, в возрождении института прокуратуры – органа надзора за законностью и адвокатуры – органа защиты прав человека.

Однако процессы либерализации режима, укрепления революционной законности носили противоречивый характер, имели место и отступления, особенно усилившиеся во второй половине 20-х гг. Все авторы среди причин свертывания нэпа указывают на то, что экономические реформы не были подкреплены политическими. Вместе с тем важно иметь в виду еще и то, как и чьими руками проводились реформы. В условиях неопределенности и неустойчивого баланса сил и интересов, особенно при повышении социальной напряженности, роль субъективного фактора приобретала ведущее значение. Изменение количественного и качественного состава правящей партии в результате ленинских призывов, смена состава политической элиты после смерти В.И. Ленина и обострение внутривнутрипартийной борьбы оказали непосредственное влияние на трансформацию тактики большевиков при сохранении стратегической задачи – построение социалистического общества, сформулированной Второй программой РКП (б) (VIII съезд партии, март 1919 г.). В годы Гражданской войны ее решение соотносилось с победой мировой революции, а внутри страны с помощью чрезвычайных средств («военный коммунизм») осуществление

сверхбыстрого перехода к коммунизму. Разруха и всеохватывающий кризис заставили большевиков искать другие пути решения этой задачи. Переход к нэпу рассматривался большевистским руководством как путь к социализму. Известно, что в последнем своем публичном выступлении Ленин определял нэп как самый трудный, но, видимо, последний маневр на пути к социализму и выразил уверенность, что «из России нэповской будет Россия социалистическая» [1, т. 45, с. 307, 309].

До смерти В.И. Ленина вопрос о возможности победы социализма в одной стране в партии не поднимался. Мнение о победе социалистической революции в нескольких передовых странах как необходимом условии победы социализма в СССР разделялось всеми теоретиками и идеологами РКП (б). Известно, что и Ленин всегда связывал развитие России с международными событиями.

К середине 20-х гг. стало ясно, что мировая революция откладывается на неопределенное время. В связи с этим в партии остро встал вопрос о судьбах Октябрьской революции, о возможности построения социализма в России как отдельно взятой стране. Одним из первых признал такую возможность Н.И. Бухарин. В феврале 1924 г., выступая по вопросу о строительстве социализма, он заметил, что ведет речь «об одной отдельно взятой стране». Провозглашая этот тезис, Н.И. Бухарин понимал под ним более осмотнительное отношение к крестьянству, союз с деревней и взвешенные темпы индустриализации. Бухарин выступал с критикой международной социал-демократии, считавшей, что в России существует «колоссальный численный перевес крестьянства», а пролетариат «плавает, как муха, в крестьянском молоке и этот пролетариат – муха, поставленный перед слоном – крестьянином, не может проделать никакой коммунистической революции» [4, с. 155].

И.В. Сталин поддержал тезис о построении социализма в одной стране в конце 1924 г., в статье «Октябрь и теория перманентной революции тов. Троцкого» [5, с. 88–92]. В ней Сталин стремился доказать, что взгляды Ленина и Троцкого диаметрально противоположны. По Ленину, революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России. У Троцкого же получается, что необходимые силы можно получить лишь «на арене мировой революции пролетариата». В партийных документах вывод о возможности построения социализма в одной стране нашел отражение в материалах XIV конференции РКП (б) (27–29 апреля 1925 г.) [2, т. 3, с. 213]. Дальнейшее развитие это положение получило в резолюции «По отчету ЦК» XIV съезда ВКП (б) (18–31 декабря 1925 г.), где отмечено: «в области экономического строительства съезд исходит из того, что наша страна, страна диктатуры пролетариата, имеет ... все необходимое для построения полного со-

циалистического общества...» [1, т. 45, с. 370], «съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии» [2, т. 3, с. 246; 312–321]. Эта концепция построения социализма в одной стране была краеугольным камнем советской ортодоксальной теории вплоть до XX съезда КПСС (февраль 1956 г.).

Задачи строительства социализма в одной стране, преодоление экономической отставания страны от Запада в кратчайшие сроки требовали высочайших темпов индустриализации. Ускоренная модернизация страны требовала неординарных методов ее решения, прежде всего перекачки средств из села, а по существу, его ограбление. Это означало полный разрыв с принципами рыночной экономики. Говоря о судьбе нэпа, И.В. Сталин утверждал: «...если мы придерживаемся нэпа, то потому, что он служит делу социализма. А когда он перестанет служить делу социализма, мы его отбросим к черту. Ленин говорил, что нэп введен «всерьез и надолго», но он никогда не говорил, что нэп введен навсегда» [6, с. 294]. Коллективизация как «революция сверху» выявила наиболее радикальную сущность сталинского режима. Репрессивный механизм, созданный к концу 20-х гг., был использован при осуществлении сплошной коллективизации и безвозмездном изъятии больших товарных масс хлеба у деревни. Не менее жесткие методы использовались и при осуществлении индустриализации, а именно: закрепление рабочих и служащих за конкретными предприятиями и учреждениями, введение трудовых книжек, паспортной системы и прописки. Таким же образом нэп оказался введенным «и не всерьез, и не надолго». Это был прагматический маневр большевиков, позволивший справиться с разрухой, восстановить промышленность и сельское хозяйство, снизить социальную напряженность в стране.

В исследовании теоретических основ становления советской правоохранительной системы важно рассмотреть основные положения марксистского учения о социалистическом государстве и праве, их развитие в трудах В.И. Ленина, документах РКП (б) и практическое претворение в России 20-х гг. Согласно теории К. Маркса и Ф. Энгельса, социалистическое государство и право возникают не эволюционным путем, а в результате социалистической революции. В Манифесте Коммунистической партии говорилось о «ниспровержении господства буржуазии, завоевании пролетариатом политической власти» [7, т. 4, с. 437–438]. Важной закономерностью и одновременно предпосылкой становления и развития социалистического государства и права, согласно марксистской доктрине, является слом старой государственной машины, уничтожение буржуазного аппарата. К. Маркс писал, что «все перевороты лишь усовершенствовали государственную машину», «вместо того, чтобы сломать ее» [7, т. 8, с. 206]. Развивая эту мысль,

В.И. Ленин убеждал, что «революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи *старой* государственной машины, а в том, чтобы он *разбил* эту машину и командовал, управлял при помощи *новой* машины» [1, т. 33, с. 114–115].

Сущностью нового государства, функционирующего в переходный период, является диктатура пролетариата. К. Маркс в работе «Критика Готской программы» обосновал положение о диктатуре пролетариата: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [7, т. 19, с. 27]. Понятие «диктатура пролетариата» неразрывно связывалось его авторами с революционным насилием [7, т. 20, с. 189; т. 18, с. 611]. Содержание теории диктатуры пролетариата в российском варианте модифицировалось в тесной связи с политической обстановкой и потребностями правящей партии. В.И. Ленин придавал принципиальное значение признанию диктатуры пролетариата. Он писал, что марксист лишь тот, «кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*...» [1, т. 35, с. 357–358]. В.И. Ленин в своих работах развил многие стороны диктатуры пролетариата и вопросы, связанные с ней. Лениным диктатура пролетариата мыслится как явление, не совместимое с демократическими нормами жизни общества, например, с равенством граждан, законностью, обеспечением прав личности [1, т. 36, с. 194–195, 257] и другими «буржуазными» институтами и лозунгами. Таким образом, советское государство изначально не могло соблюдать права человека и гражданина – отсюда и специфика деятельности правоохранительных органов.

В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин отметил, что «...диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение (или существенное ограничение, что тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура» [1, т. 37, с. 243–244]. Это положение предопределило дальнейшую политическую и юридическую линию советской власти по отношению к непролетарским партиям и слоям населения. Демократии для них и не предполагалось.

Особенность советского государства заключалась и в неограниченности, и в безраздельности власти. Вслед за К. Марксом В.И. Ленин рассматривал отделение исполнительной власти от законодательной как особенность парламентаризма, к которому маркс-

сизм относился отрицательно. Слияние же различных ветвей власти В.И. Ленин оценивал как достоинство советской системы. Что касается судебной власти, то в Конституции РСФСР 1918 г. о ней даже не упоминалось, непосредственный контроль судебной практики осуществлял Наркомат юстиции. Высшие органы власти – Всероссийский съезд Советов, ВЦИК и СНК различались местом в иерархии, а не функциями. На практике между этими органами наблюдались постоянные трения: например, ВЦИК имел право приостанавливать, изменять и отменять любое решение СНК, но фактическая власть находилась в руках правительства, так как именно оно непосредственно осуществляло мероприятия, требовавшие неотложного выполнения.

Принципиальное значение имел и другой тезис В.И. Ленина о том, что «диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связана никакими законами. Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, не связанная никакими законами» [1, т. 36, с. 244–245]. Такое представление о государстве выдвигает его в качестве главного фактора общественных преобразований методами насилия, беззакония. Человек должен быть всецело подчинен политической власти, не знающей над собой силы закона. В практике 20-х гг. это означало отбрасывание не только старых царских законов, но и пренебрежение к собственным законоположениям, издание секретных циркуляров, ведомственных предписаний, противоречивших им или их игнорировавших.

В.И. Ленин различал «насилие вообще» и «революционное насилие». Отрицая «насилие вообще» как реакционное, он считал, что «социализм не против революционного насилия» [1, т. 38, с. 55–56]. Такая трактовка принуждения полностью оправдывала любые насильственные методы проявления пролетарской власти. Причем, если в первые годы советской власти необходимость в революционном насилии связывалась с сопротивлением эксплуататорских классов, то в 20-х гг. круг классов и социальных слоев, против которых пролетариат должен применять революционное насилие, стал чрезвычайно широким: «масса мелкой буржуазии», «кулаки», «буржуазные специалисты» [1, т. 41, с. 383; т. 36, с. 265–266; т. 38, с. 7, 55–56].

Ленин неоднократно подчеркивал необходимость сочетания насилия с организационной и экономической деятельностью государства. «Насилие можно применить, не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применить насилие, опираясь на передовой класс, на более высокие принципы социалистического порядка и организации. И тогда оно может временно потерпеть неудачу, но и «непобедимо» [1, т. 38, с. 369–370]. Так формировалась концепция, что не только во время

революции, но и при социализме насилие остается действенным методом руководства обществом. В статье «Привет венгерским рабочим» Ленин говорит о сопротивлении революционному перевороту со стороны не только капиталистов и их приспешников, буржуазной интеллигенции, но и «громдой массы слишком забытых мелкобуржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе» [1, т. 38, с. 386–387]. Это относится и к политическим партиям. «Если проявляются колебания среди социалистов, вчера примкнувшим к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, – советовал Ленин венграм, – подавляйте колебания беспощадно. Расстрел – вот законная участь труса на войне» [1, т. 38, с. 387–388].

Насилие было направлено и против некоторых пролетариев. «Революционное насилие не может не проявляться и по отношению шатким, невыдержанным элементам самой трудящейся массы». «Про расстрелы мы открыто говорили, мы говорили, что мы насилие не прячем, потому что мы сознаем, что из старого общества без принуждения отсталой части пролетариата мы выйти не сможем» [1, т. 40, с. 307–308]. Ту же мысль развивает и Н.И. Бухарин: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это не звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» [8, с. 183].

Так, логика развития превращала идею диктатуры пролетариата, сформулированную К. Марксом как задачу временного переходного периода, в принуждение по отношению к любой части народа, не согласной с проводимой политикой.

Согласно марксистскому пониманию, государство и право не есть вечные и неизменные явления. По мере развития общества и постепенного отмирания классов государство и право как классовые институты также отмирают. При этом В.И. Ленин считал, что не следует «искусственно форсировать этот процесс. Мы вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития *высшей фазы* коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или конкретных формах отмирания» [1, т. 33, с. 96].

Для более глубокого освещения темы важно также проследить эволюцию взглядов лидеров большевизма и по вопросу, кто же осуществляет диктатуру: весь рабочий класс, его «передовой авангард» – партия или специально созданные для этой цели органы государства. В высказываниях В.И. Ленина 1918–1920 гг. встречаются утверждения, что диктатуру осуществляет весь рабочий класс (в частности, через избирательную систему Советов). Но уже в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Кол-

чаком» (1919 г.) Ленин достаточно откровенно указывает: «Диктатура рабочего класса проводится той партией большевиков, которая еще с 1905 г. и раньше слилась со всем революционным пролетариатом» [1, т. 39, с. 157–158]. «Только передовая часть рабочего класса, только его авангард в состоянии вести свою страну», – говорит он на VIII Всероссийской конференции РКП (б) [1, т. 39, с. 360–361]. А в «Письме к организациям РКП о подготовке к партийному съезду» (1920 г.) разъясняет: «Наша партия ... должна была взять на себя и непосредственное осуществление задач диктатуры пролетариата со времени Октябрьской революции» [1, т. 40, с. 140–141].

Таким образом, постепенно понятие «диктатура пролетариата» претерпело метаморфозу: «Сначала под нею понимается акция, действие революционных миллионов, напор бедноты, творческая воля массы пролетариев, поголовно образующихся в союзы... Однако наступает момент, когда даже самый тупой человек понимает бессмысленность мысли об управлении государством и индустрией миллионами еле грамотных людей... Нужно было два с половиной года экспериментов Советской власти, чтобы уточнить понятие диктатуры пролетариата» [9, с. 50]. Под нею стало пониматься руководство партии, а затем ее руководящие органы.

Наиболее четко идея реализации диктатуры пролетариата «передовым авангардом» сформулирована в работах Ленина и партийных документах периода нэпа. На X съезде РКП (б) Ленин подчеркнул: «...диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию» [10, с. 575]. В.И. Ленин сам признал невозможность непосредственного руководства обществом трудящимися. «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? – Практические люди знают, что это сказки...» [1, т. 42, с. 253]. Диктатура партии устанавливается фактически с начала 20-х гг. Политбюро ЦК руководило государственными структурами вплоть до высших, не только определяло их стратегию, но и регламентировало повседневную работу. Так, 2 февраля 1922 г. Политбюро постановило, что наркомы могут передавать дела во ВЦИК лишь после предшествующего решения ЦК, «для того, чтобы ВЦИКу не приходилось менять своих решений». Свидетельством официального признания положений ленинской концепции явилось принятие XII съездом РКП (б) названия существовавшей в России формы диктатуры пролетариата «диктатура партии» [1, т. 39, с. 134]. Съезд подчеркнул: «Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры ее передового авангарда, т.е. компартии» [2, т. 2, с. 406].

Теоретическое обоснование отрицания большевиками многопартийности и фракционности как проявления буржуазного парламентаризма содержат материалы Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП

(б) (14–23 июля 1926 г.). В них отмечено, что «...наличие политических партий (а также оформленных фракций единой партии) не совместимо с победоносной диктатурой пролетариата и по существу было бы не чем иным, как тем или другим видом возрождения буржуазной демократии» [2, т. 3, с. 335]. Поэтому в условиях пролетарской диктатуры «мы не признаем *самой почвы* буржуазного парламентаризма», «обычной (буржуазной) партийности» [1, т. 43, с. 385]. Это означало, что «реальный» социализм оказался несовместим с демократией, гражданскими свободами, а его формой выступила тоталитарная диктатура.

В 20-е гг. получает дальнейшее развитие ленинская идея о применении насилия в переходный период. Она нашла определение в партийных документах, в формуле об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму [2, т. 4, с. 182–183]. Так, резолюции XI съезда партии содержат такие концептуальные установки, которые позднее станут основой выводов, оправдывавших ужесточение репрессий, а именно: «пока существуют классы, неизбежна классовая борьба» [2, т. 2, с. 319]; «...диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая упорная, самая отчаянная война классов» [2, т. 2, с. 325]; «пролетариат является классовой основой государства, совершающего переход от капитализма к социализму» [2, т. 2, с. 322]. Наиболее развернуто это положение сформулировал Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) (16–26 апреля 1929 г.): «Рост социалистических форм хозяйства, вытеснение капиталистических элементов и связанный с этим рост сопротивления враждебных нам классовых сил неизбежно вызывают обострение классовой борьбы на этом переломном этапе социалистического строительства». «Пролетарская диктатура на данном этапе означает продолжение и усиление (а не затухание) классовой борьбы» [2, т. 4, с. 182–184]. Этим выводом была подведена теоретическая база под развертывание и оправдание массовых репрессий.

И.В. Сталин писал по этому вопросу: «Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимо для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено» [1, с. 509]. Эта идея стала руководством к действию для суда, прокуратуры, ОГПУ и милиции, внедрялась в общественное сознание средствами массовой информации.

Разработка В.И. Лениным вопросов, связанных с понятием, целями, функциями диктатуры пролетариата, предопределила как теоретическую, так и практическую деятельность большевистской партии в 20-е гг. На наш взгляд, справедливо мнение Л.А. Стещенко и Т.М. Шамба, что «Сталин и другие руко-

водители коммунистической партии и советского правительства мало что добавили к этому. Их дело, прежде всего, состояло в практическом воплощении провозглашенных идей» [4, т. 2, с. 198]. Кроме того, В.И. Ленин обосновал и роль карательных репрессивных органов в осуществлении функций диктатуры пролетариата. Еще в 1918 г. он писал: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неопределима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, – нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом» [1, т. 37, с. 174].

Таким образом, теоретическим обоснованием практической деятельности большевиков в годы новой экономической политики было понимание, что государство переходного периода есть диктатура пролетариата, осуществляется она авангардом рабочего класса – коммунистической партией, а карательные органы государства есть «органы осуществления воли партии» [12]. Это неизбежно рождало противоречия между линией партии и принципами рыночной экономики, политическими декларациями и практической деятельностью, т.е. поворот к свертыванию нэпа был предопределен.

Для объективного освещения теоретических основ функционирования правоохранительных органов в 20-е гг. представляется необходимым анализ взглядов советских юристов по такой фундаментальной проблеме, как соотношение государства и права. Вопрос о том, в каких взаимоотношениях находятся государство и право, играет ли государство верховенствующую роль по отношению к праву или же, напротив, подчинено ему, имеет не только теоретическое, но и принципиальное практическое значение. Для марксизма характерна приверженность этатистской теории, исходящей из приоритета государства над правом. Согласно этатизму, государство предшествует праву, порождает его. С этой точки зрения, право есть совокупность норм (велений, установлений, приказов государства), посредством которых государственная власть осуществляет руководство обществом. Основанием права вступает государственная власть, которая, в свою очередь, основывается на силе. Подобный взгляд на проблему выводит государство, его инструменты за пределы зоны влияния права. Если государство – источник права, то государство не может быть им связано. Такой подход исключает проблему правомерности государственной власти. Не случайно поэтому, что этатизм, получивший широкое распространение в Германии и России, в немалой степени благоприятствовал формированию в этих странах тоталитарных систем.

Принципиальное значение для определения содержания и направлений деятельности правоохранительных органов в исследуемый период имеет также

проблема понимания большевиками роли права, их отношение к закону. На отношение к праву влияло отрицание большевиками принципа разделения властей. Это приводило к чрезмерно широкому пониманию понятия «закон», «законодательство». Законы принимались и издавались съездами советов, ЦИК СССР, его Президиумом. Правительство издавало постановления, которые имели силу закона. Нередко законами становились не только ведомственные постановления, но и партийные решения, от Политбюро до губкома, райкома партии. При такой широкой трактовке понятия «законодательство» административно-командная система приобрела легальное средство подмены закона подзаконными актами.

Марксистский подход основывался на признании права исключительно инструментом государства, средством принуждения для решения стоявших перед государством ближайших и стратегических задач. Право рассматривалось как совокупность норм, издаваемых государством и обеспечиваемых его принудительной силой. Такой подход приводил к пониманию, что право находится в подчиненном от государства положении. Марксистская концепция исходила из того, что государство диктатуры пролетариата есть самодержавие народа. Следовательно, народ не надо защищать от его же государства. По мнению марксистов, свободу трудящихся надо защищать не от государства, а с помощью государства.

Советское социалистическое право рассматривалось теоретиками права того периода как право нового и высшего типа, поскольку оно создано в результате победы Октябрьской революции и перехода государственной власти в руки рабочих и крестьян. Советское право закрепляло общественные порядки, установленные в интересах трудящихся, содействуя упрочению социалистических производственных, политических и культурных отношений, обеспечивая успехи строительства социализма.

Противоречивая эпоха нэпа отражалась и в развитии советского права. Действительно, с одной стороны, принимаются кодексы по основным отраслям права, а с другой – распространение в правовой науке теории упрощенчества. Ее содержание отражал лозунг: «Минимум – формы, максимум – классового содержания». В основе аргументов сторонников теории упрощения было утверждение о том, что процессуальные правила есть правила технические, а не правовые, упрощение их должно сделать процесс короче и дешевле [13, с. 2], обеспечить участникам процесса доступность понимания действия суда, устранить излишне сложную регламентацию процессуальных действий суда, правил проведения судебного заседания [14, с. 21]. Концепция упрощения процессуальной формы имела своим истоком утвердившееся в общей теории права мнение о временности действия права, о том, что «раз будет изменена экономическая почва, то

неизбежно погибнет и правовая надстройка» [15–16]. Статьи с призывами к упрощению процессуальной формы активно печатались в журналах с 1923 по 1930 г. [17].

Но особенно ярко классовый характер советского права проявлялся в уголовном законодательстве. В Уголовном кодексе (1922 г.) глава I §1 «О контрреволюционных преступлениях» содержала классовую оценку. В «Основных началах уголовного законодательства СССР» (1924 г.) классовый характер советского законодательства еще более расширился. «Основные начала...» определили настоящие и прошлые связи осужденного правонарушителя с классом, который эксплуатирует труд, в качестве основания для вынесения более сурового приговора. Соответственно, определение статуса осужденного как трудящегося или «трудового крестьянина» было достаточным для более мягкого приговора [18–19]. Это было открытое принятие дискриминации по классовой принадлежности. Классовая природа советского права нашла выражение в установлении конституционным путем неравного избирательного права для жителей городов и сельских местностей, в лишении избирательных прав лиц, прибегавших к наемному труду, живших на нетрудовые доходы, частных торговцев, монахов и т.д. С переходом к нэпу так называемые лишенцы избирательных прав составили в городе 8,2%; в деревне – 1,4%. В 1924/25 г. произошло снижение доли лишенцев в городе до 5%, в деревне – до 0,74%. Но уже в 1926/27 г. принимаются меры по ограничению избирательных прав в связи с усилением давления на крестьянство. В 1929 г. количество лишенцев составляло в городе 8,5%, в деревне – 4,1% [20, с. 175].

Летом 1925 г. Верховный суд РСФСР, руководствуясь принципом «революционной законности», занял позицию против дискриминации по классовому признаку, особенно в отношении мягких приговоров, которые выносились рабочим. Однако новый Уголовный кодекс (1926 г.) по-прежнему содержал формулировки, обеспечивавшие неравенство по классовому признаку. Лишь в 1927 г. они были исключены как из текста «Основных начала...», так и из УПК [21].

Новаторство большевиков, решительный разрыв с классическим уголовным правом наиболее ярко проявились в отказе от общепринятого термина «наказание» и замене его понятием «меры социальной защиты». В основе этого было стремление законодателя подчеркнуть отказ от наказания как возмездия. Еще при обсуждении проекта УК (1922 г.) Д.И. Курский в своем докладе на III сессии ВЦИК IX созыва подчеркнул: «...для нас преступник – это человек, который опасен в данное время, которого нужно изолировать, или пытаться исправить, но которому, ни в коем

случае, нельзя мстить» [22, с. 127]. А «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик», принятые в октябре 1924 г. сессией ЦИК СССР, заменили термин «наказание» понятием «меры социальной защиты». В «Основных началах...» впервые было закреплено одно из важнейших принципиальных положений, характеризующее советское уголовное законодательство и состоящее в том, что оно «задач возмездия и кары... себе не ставит». Все меры социальной защиты должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижение человеческого достоинства» (ст. 4 «Основных начал»).

Некоторые юристы вполне справедливо рассматривали введение термина «меры социальной защиты» вместо «наказания» главным образом как терминологическую реформу. Так, М.Д. Шаргородский утверждал, что отказ от термина «наказание» не означал какого-либо принципиального изменения взглядов на задачи уголовного права. В основе было желание законодателя подчеркнуть отказ от наказания как возмездия. Отказ был чисто терминологическим, словесным. Содержание не изменилось [23, с. 83]. Другие авторы считали включение термина «меры социальной защиты» принципиальным изменением уголовного закона. Этой точки зрения придерживались М.А. Чельцов-Бебутов, А.Н. Трайнин, А.Я. Эстрин [24]. А.Н. Винокуров, наоборот, утверждал что термин «меры социальной защиты» неудачен, а термин «наказание» точен [25]. В 1934 г. в советское уголовное право был возвращен термин «наказание».

Таким образом, на развитие советского права в 20-е гг. повлияли положения марксизма о подчиненности права, о том, что право есть лишь средство реализации государственной политики, а также конкретно-исторические условия нэпа. Основанием становления советской модели правоохранительной системы стали теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса о диктатуре пролетариата, о роли коммунистической партии, о месте переходного периода от капитализма к социализму, о неизбежности отмирания институтов государства и права при коммунизме. Теоретические постулаты основоположников под влиянием конкретных условий России корректировались в трудах лидеров большевизма и партийных документах. Особенное значение имели положения, развивающие концепцию новой экономической политики, о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Среди псевдотеоретических выводов, непосредственно воздействовавших на характер деятельности правоохранительных органов в исследуемый период, стало положение об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму.

Библиографический список

1. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. : в 55 т. / В.И. Ленин. – М., 1965–1982.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. 8-е изд., доп. и испр. – М., 1970.
3. Крыленко, Н.В. Судостроительство РСФСР / Н.В. Крыленко. – М., 1923.
4. Стешенко, Л.А. История государства и права России: в 2 т. / Л.А. Стешенко, Т.М. Шамба. – М., 2003.
5. Сталин, И.В. О двух особенностях Октябрьской революции, или Октябрь и теория перманентной революции Троцкого / И.В. Сталин // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М., 1947.
6. Сталин, И.В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов. 27 декабря 1929 г. / И.В. Сталин // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1947.
7. Маркс, К. Соч. : в 30 т. – 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955.
8. Бухарин, Н.И. Проблемы теории и практики социализма: сборник статей / Н.И. Бухарин. – М., 1989.
9. Валентинов, Н. (Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: воспоминания / Н. Валентинов (Вольский). – М., 1991.
10. Десятый съезд РКП (б): стеногр. отчет. – М., 1921.
11. Сталин, И.В. Вопросы ленинизма / И.В. Сталин. – М., 1934.
12. Правда. – 1926. – 20 июля.
13. Лисицын, А. Нужно упростить судопроизводство / А. Лисицын // Советская юстиция. – 1920. – №43.
14. Борисов, Б. Развитие гражданского процесса за время революции / Б. Борисов // Пролетарский суд. – 1927. – №19–20.
15. Рейснер, М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право / М. Рейснер. – Л., 1925.
16. Стучка, П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П.И. Стучка. – Рига, 1964.
17. Каплан, М. Вопросы упрощения процесса / М. Каплан // Ежедневник советской юстиции. – 1926. – №13.
18. Уголовный кодекс РСФСР (1922 г.) // СУ РСФСР. – 1922. – №15. – Ст. 153, 5, 67, 70, 25.
19. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. – №213. – Ст. 326.
20. Формирование административно-командной системы. 20–30-е гг. : сб. ст. / отв. ред. В.П. Дмитренко ; Ин-т российской истории РАН. – М., 1992.
21. Уголовный кодекс РСФСР (1926 г.) // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. – №266. – Ст. 476, 486.
22. Курский, Д.И. Избранные речи / Д.И. Курский. – М., 1958.
23. Курс советского уголовного права : в 2 т. – Т. 2: Общая часть. – Л., 1970.
24. Эстрин, А. К вопросу о принципах построения системы уголовной репрессии в пролетарском государстве / А. Эстрин // Революция права. – 1927. – №1.
25. Винокуров, А.Н. О пересмотре Основных начал / А.Н. Винокуров // Советское строительство. – 1930. – №1.